

*Oleksander Bojko**

Nizhyn Mykola Gogol State University

ORCID: 0000-0001-8941-9083

*Yuliia Kuzmenko***

Nizhyn Mykola Gogol State University

ORCID: 0000-0002-8522-1798

Попытка смены поколений партийно-советской номенклатуры как инструмент преодоления кризиса Коммунистической Партии Украины (1985–1991 гг.)

Введение

В течение трех десятилетий после распада Советского Союза историческая, политологическая и социологическая научная мысль была прикована к проблеме причин, вызвавших крушение этого супергосударства XX в. Среди наиболее часто называемых причин – кризис Коммунистической партии, составлющей которого является проблема элиты, а точнее партийно-советской номенклатуры, ведь эти понятия не следует отождествлять. Ученые постсоветского пространства все больше концентрируют свое внимание на различных аспектах феномена номенклатуры: от сущности, становления и функционирования к анализу ее количественных и качественных характеристик на том или ином этапе существования Советского Союза. Среди украинских исследователей изучением властной верхушки УССР занимаются такие ученые как: Н. Дорошко, В. Крупына, А. Штейнле, Ю. Шелеп, В. Буренков. Некоторые аспекты кадровой политики и функционирования номенклатуры УССР в 1985–1991 гг. освещались в работах А. Дацакивской, А. Долженкова, М. Карабанова, С. Кульчицкого, В. Литвина, М. Михальченко, В. Танчера, Ю. Шаповала и др. В российской научной мысли изучению номенклатуры также уделяется значительное внимание и не только со стороны историков, но и со стороны политологов и социологов. Среди ведущих исследователей этой проблемы следует назвать Г. Ашина, М. Восленского, А. Гаман-Голутвину, И. Дискина, С. Китаева, А. Крыштановскую, В. Мохова, В. Пастухова, Н. Работяжева и др.

Большинство исследователей номенклатуры единогласны во мнении о важности влияния возрастного фактора как одного из показателей качества выполнения ответственными кадрами своих служебных обязанностей. Однако, в основном это заключение только констатируется учеными как

* adb1958@ukr.net

** kuzmenko_yulia@ukr.net

аксиома о господстве геронтократии в СССР в 1985–1991 гг., без должного анализа возрастной структуры номенклатуры.

Предлагаемая статья ставит целью комплексно рассмотреть кризис Коммунистической партии, уделив существенное внимание анализу возрастных групп в номенклатуре, а также проанализировать горбачевский курс на ее омоложение как попытку преодоления кризиса Коммунистической партии.

Основным источником исследования стали статистические данные о составе и сменяемости руководящих и управленческих кадров республики, хранящиеся в Центральном государственном архиве общественных объединений. Именно этот источник позволил сопоставить и сравнить динамику возрастных изменений различных категорий номенклатурных кадров.

Методологической основой исследования является комплекс базовых научных принципов историзма, объективности и системности, которые реализовались путем применения общенаучных (анализа, синтеза, дедукции и индукции), конкретных и специальных методов исторической науки, а также научного инструментария других отраслей гуманитарного знания, в частности политологии и социологии. Важную роль в изучении партийно-советской номенклатуры УССР 1985–1991 гг. сыграли методы социологических исследований – статистический анализ и математическое моделирование, которые позволили выявить тенденции и динамику изменений возрастных характеристик ответственных работников УССР.

Кризис Коммунистической партии Украины

В июне 1990 г. идеологический отдел ЦК КПУ, который провел социологическое исследование Компартия Украины на этапе обновления, вынужден был констатировать: «Продолжает углубляться процесс утраты доверия к партии и ее органов...» Этот неутешительный вывод основывался на том, что КПСС в данный период имела безусловную поддержку лишь трети населения республики. Особенно тревожил руководство Компартии Украины характер политических настроений в среде рабочего класса и крестьянства – традиционной опоры и социальной базы. Опрос показал, что на момент его проведения за партию проголосовало бы только 47,1% крестьян и лишь 26,3% рабочих (40,2% представителей рабочего класса заявили, что голосовали бы против КПУ). Социологическое исследование указывало не только на падение в обществе авторитета КПСС в целом и КПУ в частности, но и на серьезные симптомы глубокого кризиса внутри самой партии. Достаточно сказать, что однозначно ее поддерживали менее двух третей коммунистов (62%), кроме того, только 37,7% членов партии видели в Компартии Украины реальную силу, способную вывести республику из кризисной ситуации. Одновременно 20,4% опрошенных коммунистов предпочитали в этом вопросе представителей «Демократической платформы» (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2860, л. 18, 40).

Основными причинами нарастающего кризиса в партии в это время были:

- отставание перестройки в КПСС от перестроечных процессов в обществе, которые она инициировала;
- зажатость политической мысли в рамках марксизма-ленинизма, ее консервация;
- потребительское отношение партийного руководства различных уровней к общественно-политическим исследованиям, основной вектор которых был направлен, как правило, на обоснование задним числом официальных партийных решений;
- низкий уровень изучения интересов и настроений народа, неумение квалифицированно их учесть при разработке тактических вопросов и стратегических проблем;
- длительное блокирование свободомыслия, своеобразный культ единства взглядов, фактически свели процесс овладения базовыми идеологическими постулатами к догматическому восприятию, а не к творческому осмыслению и дальнейшему развитию;
- шаблон и формализм в подходах к пропагандистским акциям;
- непотопляемость номенклатуры, продолжение практики перетасовки кадров;
- обострение борьбы реформаторского и консервативного течений в руководстве партии;
- консерватизм и негибкость партийного аппарата; сохранение доминирующей роли исполнительных партийных органов за счет выборных;
- ограничение самостоятельности низовых партийных звеньев;
- оппозиционная деятельность альтернативных политических партий и движений.

Серьезными симптомами негативных тенденций в КПСС в целом и КПУ в частности были неопределенность и непоследовательность официального партийного курса. Следует подчеркнуть, что, не добавляли авторитета партии и существенно подрывали веру в нее как топтание на месте, так и резкие изменения курса.

И как могло быть иначе, – риторически спрашивает у своих мемуарах В. Печенев, который работал в середине 80-х гг. помощником Генерального секретаря ЦК КПСС, – если только за первые два года после прихода Горбачева к власти руководство КПСС трижды (!) меняло свою «генеральную линию»? А «генеральная линия» – это не только и даже не столько общие пропагандистские декларации – это определенные, заложенные в планы приоритеты в развитии тех или иных отраслей народного хозяйства... Это то или иное размещения материальных и финансовых (иногда многомиллиардных!) ресурсов... (Печенев 1991: 136).

Кроме весомых материальных убытков, были и не менее значительные моральные, ведь команду «сверху» должна была, подчиняясь демократическому централизму, выполнять вся партия. Осуществление политического курса в режиме «вперед – стоп – назад», частая и резкая смена векторов деятельности и кардинальная трансформация политических оценок порождали в народе неверие в руководящую элиту. Характеризуя состояние обществен-

ного мнения, работники седьмого управления МВД УССР сообщали в сентябре 1989 г.:

большинство рабочих и служащих единодушно отмечают, что наши государственные деятели, руководители партии своими действиями порождают проблемы, а потом с «завидной замедленностью», болезненно «ищут пути их решения» (ЦГАГООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2658, л. 141).

Непоследовательность идеологических установок и политической практики КПСС обуславливала появление в партийных рядах сразу не менее двух негативных тенденций: с одной стороны, все большая часть партийцев начала проявлять политическую инертность, гражданскую пассивность и равнодушие, участвовали проявления растерянности при непредсказуемом и необычном развития событий, с другой – усилились идейные шатания, упала дисциплина и ответственность, углубился процесс размывания политических позиций. В основе этих негативных явлений лежал острый кризис господствующей идеологии, углубление разрыва теории и практики, растущее несоответствие социалистического идеала и социалистической действительности.

Неопределенность и непоследовательность партийного курса логически вытекали из отсутствия у команды Горбачева на старте перестройки четкой модели и теоретической концепции общественных трансформаций. Согласно мнению одного из главных идеологов этой команды В. Медведева, концепция реформирования советского общества «формировалась постепенно в течение нескольких лет» (Медведев 1998: 388–389). Только в июле 1989 г. на совещании первых секретарей ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии Горбачев имел основания утверждать:

Нам удалось – мне кажется, в этом я не допускаю преувеличения – выйти на достаточно важные, широкие теоретические обобщения и выводы, которые касаются и сегодняшнего мира, в котором мы реально живем, и осмысление предыдущих этапов развития советского общества. Я бы сказал, что начался своего рода прорыв в области теории и идеологии (Совещание в ЦК КПСС первых секретарей ЦК компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии, 1989: 29).

Итак, в конце 1980-х гг., хотя со значительным опозданием, все же были очерчены основные контуры и определены базовые принципы плана неотложных общественных изменений. Впрочем, консервативному партийному аппарату не удалось оперативно разработать качественного механизма реализации этого плана; трансформировать лозунги и принципы в конкретные дела; наладить систему свободного формирования и выявления интересов и воли всех социальных слоев и на этой базе выработать комплекс стимулов для мобилизации масс; открыть пространство процессам саморегуляции общества; спроектировать перестроечные задания на местный грунт и адаптировать их, учитывая региональную специфику и особенности. Реальность этих недостатков признавали и сами партийные органы. В частности, осенью 1989 г. партийные эксперты ЦК КПУ вынуждены были самокритично констатировать:

Мы еще не сумели трансформировать общие представления политического руководства обществом со стороны КПСС в целом специфику партийного руководства вопросами экономического и социального развития на местах, на уровне партийных организаций предприятия, региона, города и т.д. (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2577, л. 195).

Следует подчеркнуть, что длительная неопределенность и непоследовательность в деятельности партийного руководства негативно воспринималась в рядах самой партии и в обществе в целом. Ряд региональных партийных совещаний первых секретарей горкомов и райкомов партии КПУ (май-сентябрь 1989 г.) показал, что за последние три года состоялось идейное разрушение партии («прежние идеалы размыты, новые не определены»), кроме того, решения государственного уровня «детально не продуманы, всенародно не обсуждались и поэтому обуславливают негативное влияние на авторитет партии» (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2534, л. 82, 83; д. 2535, л. 4).

В основе неопределенности и непоследовательности партийной линии лежал разрыв между политической практикой и научной теорией. Этот разрыв приобрел особо критические размеры в условиях масштабных динамических трансформаций общества. Выступая на XXVIII съезде КПУ (первый этап), В. Ивашко акцентировал:

Гораздо больше внимания следует уделять научному анализу и прогнозированию общественно-политических процессов. Без этого партия не сможет противостоять попыткам устранить ее с политической арены, оторвать от социально-экономической сферы, лишить выходов в реальную общественную практику (Матеріали XXVIII з'їзду... 1990: 13).

В принципе обществоведы готовы были пойти навстречу – теоретически осмыслить общественные процессы и обеспечить идеологическое обоснование курса реформ, что показала совместная научная сессия секции общественных наук Президиума АН СССР и Секции общественных наук АН УССР, которая состоялась в Киеве в феврале 1989 г. Участие в дискуссии о месте и роли общественных наук в обеспечении реформы политической системы принимали известные ученые Л. Абалкин, И. Лукинов, Ю. Пахомов, Е. Примаков и другие. Постановление сессии указывало на болевые точки и проблемы в отношениях обществоведов и власти, а также определяло пути выхода из кризиса: предлагалось, во-первых, разработать и создать эффективный механизм взаимосвязи ученых и политиков, хозяйственников, «который предусматривал бы непосредственное участие обществоведов в формировании стратегии и тактики социально-экономического и политического развития страны»; во-вторых, идеологическое обеспечение процесса перестройки должно не только фиксировать и оценивать полученные результаты, но и давать «научно выверенные прогнозы перспектив развития»; в-третьих, «социальный заказ не должен сводиться к подготовке ни к чему не обязывающих рекомендаций»; в-четвертых, «научность решений, которые предлагаются, не исключает, а предполагает разработку альтернативных концепций и проектов

и анализ различных мнений» (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2561, л. 47–51). Ситуацию осложняла и проблема обмена информацией между центром и низовыми партийными звеньями. Если секретари горкомов и райкомов партии часто высказывали замечания, что многие решения высших органов большие по объему, страдают декларативностью, часто труднодоступные для понимания коммунистов, то высшее партийное руководство тревожил крайне низкий уровень информации, поступающей с мест. Очередные заседания ЦК КПУ в январе 1990 г. давали ей такую характеристику:

Сообщение из областей имеют неглубокий характер, так как и по сей день в 8 обкомах (Закарпатском, Запорожском, Киевском, Кировоградском, Николаевском, Сумском, Тернопольском и Черниговском) их готовят и передают технические секретари, а не ответственные работники обкомов партии. Именно поэтому часто сообщения сводятся к информации типа «все в порядке», «без происшествий». Кроме того, даже ответственные работники обкомов считают, что их дело сообщать о чрезвычайных происшествиях и работе железной дороги. «Оценка» политической информации сводится к сообщениям о проведении различных мероприятий неформалами (ЦГАООУ. ф. 1, оп. 32, д. 2873, л. 9, 10).

В результате нарастающий дефицит циркулирования актуальной, конкретной информации, который остро ощущался по всей вертикали партийных структур, сделал разрыв между политической практикой и научной теорией катастрофическим: не имея полных и достоверных данных о характерных чертах, специфике, особенностях и проблемах развертывания трансформационных процессов в обществе, высший эшелон партийной власти, даже опираясь на квалифицированных обществоведов, не мог качественно проанализировать общественные процессы и спрогнозировать оптимальный вектор развития реформ, а на местах руководство райкомов и горкомов партии, получив лишь расплывчатые общие установки, или же ждало следующих распоряжений (срабатывала привычка функционеров командной системы) или же действовало путем «проб и ошибок».

Итак, суть проблемы идеологического обеспечения процесса перестройки заключалась в отставании теоретического осмысления общественных изменений от практики реформирования. Лишь в конце 1980-х гг. завершился теоретико-концептуальный этап развития идеологии общественной модернизации (определены основные цели, идеалы, ценности, принципы, векторы изменений) и постепенно начал разворачиваться программно-политический этап (трансформирование базовых идеологических принципов в конкретные программы, лозунги; формирование механизма их реализации; создание нормативной базы для принятия управленческих решений; разработка системы стимулирования политического поведения граждан). Между тем, инициированные еще в апреле 1985 г. общественные трансформации все больше набирали обороты. Нарастающее отставание идеологического обеспечения от потребностей практики, усиленное дефицитом информации, вело к усилению тенденций стихийности, хаотичности, неконтролируемости в развитии общества; росту импульсивности и эмоциональности в поведении народных масс;

потере общественной стабильности; углублению процесса отчуждения личности от политики. И чем более радикальными и глубокими были общественные изменения, тем больше терялась управляемость процессом перестройки, усугубляя кризис в партии, провозгласившей себя инициатором общественной модернизации.

Серьезные проблемы накопились в Коммунистической партии и в организационной сфере. Проявлениями организационного кризиса КПУ были:

- ослабление партийных структур по вертикали и по горизонтали;
- консерватизм кадровой политики;
- формальный характер выборности;
- падение дисциплины;
- отсутствие единства во взглядах на организационное строение партии;
- появление в партийных рядах центробежных сил;
- ограничения внутрипартийной гласности, господство тотальной секретности на всех уровнях;
- предельное ограничение влияния рядовых коммунистов на определение официальной партийной линии, резкое снижение их политической активности и тому подобное.

Особенно тревожным для КПУ было то, что негативные процессы развернулись в низовых звеньях организационной структуры партии – первичных партийных организациях. Хотя в течение 1986–1990 гг. количество этих организаций в Украине по инерции выросло с 70 947 до 72 271, однако количество коммунистов, которое приходилась на одну первичную парторганизацию, за этот период уменьшилась: на предприятиях промышленности со 107 до 103 человек, в совхозах с 65 до 64, а в колхозах с 57 до 53 (Компартия України... 1990: 47, 50).

Социологические исследования (июнь 1990) показали, что почти четвертая часть коммунистов практически не могла влиять на работу собственных первичных парторганизаций; только 2,5% предложений рядовых коммунистов по обновлению стиля, форм и методов партийной работы в течение двух последних лет были полностью реализованы, 24,2% – реализованы частично, а 21,5% предложений были поддержаны только на словах. В этих обстоятельствах возросло недоверие рядовых коммунистов к руководящим органам, усилился разрыв между первичными организациями и высшим партийным эшелонам (52% респондентов считали основной причиной отставания перестройки в партии нерешительность действий ЦК КПСС) снизилось влияние и авторитет партийных организаций (51,4% опрошенных коммунистов отметили падение авторитета первичных партийных организаций в своих трудовых коллективах, на помощь первичных партийных ячеек в сложных условиях рассчитывали только 26,5% членов КПСС) (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2860, л. 19, 63, 65, 66). Характеризуя природу этих кризисных симптомов, Л. Оников, который более тридцати лет проработал в аппарате ЦК КПСС, писал:

Партийное руководство перестроечного периода не смогло понять, что в партии как общественной организации совсем вытравлено главное – САМОстоятель-

ность, САМОдеятельность, САМОвыражение ее членов, в основе которых лежат права рядовых коммунистов. В этом суть! (Оников 1996: 11–12).

О глубоких кризисных тенденциях в организационной сфере свидетельствовала динамика приема в КПУ и выбытия из рядов партии. Формально по инерции, обусловленной многолетней монополией партии в жизни общества, число коммунистов росло. Если в 1985 году республиканская партийная организация насчитывала 3 142 995, то в 1990 г. – 3 294 038 человек. Однако уже в этот период весьма заметными стали и другие негативные процессы и явления. Во-первых, существенно упали темпы роста партийных рядов: в 1986 было принято в члены КПСС 94 983 лица, а в 1989 – лишь 65 265. Во-вторых, заметно уменьшилось количество желающих стать кандидатами в члены партии – в 1986 г. их было 104 572, а в 1990 г. – 66 450 человек. В-третьих, резко уменьшился в составе кандидатов в члены КПСС процент рабочих: если в 1986 г. он составлял 58% от общего количества принятых, то в 1989 г. – только 38,9%. В-четвертых, доля молодежи в возрасте до 30 лет в составе принятых кандидатами в члены КПСС в республике в течение 1985–1989 гг. сократилась фактически на 13%. В-пятых, в период перестройки уменьшилось количество отказов в приеме в кандидаты в члены партии, что свидетельствовало об определенном снижении требований к будущим коммунистам, которое в перспективе вело к ослаблению КПУ (Компартія України... 1990: 10, 23, 24, 28, 30).

Еще более серьезной организационной проблемой для партии в эпоху перестройки стало то, что в ее рядах начал существенно расти процент коммунистов, которые по разным причинам пытались сначала минимизировать свою связь с партией, а вскоре – выйти из нее. Красноречивым проявлением первой тенденции была неуплата членских взносов. Например, количество должников в Макеевской городской парторганизации в 1989 г. по сравнению с 1988 г. выросло почти в 5 раз, а сумма долга – в 6 раз. Характерно, что эта тенденция со временем все больше набирала силу. В частности, в Киевской городской организации в первом квартале 1990 г. количество должников по сравнению с 1989 г. увеличилось в 6,8 раза, а сумма долга – в 10,3 раза (Карабанов 1993: 38–39).

Неуплата взносов, как правило, была лишь симптомом более глубоких разрушительных процессов в недрах КПСС, конкретным проявлением которых стал нарастающий процесс выхода из партии. С 1986 г. до июня 1989 г. в республике сдали свои партийные документы 5794 члена и кандидата в члены КПСС. Характерно, что процесс добровольной сдачи партийных документов имел тенденцию к росту в геометрической прогрессии. Если в 1986 г. таких акций было 234, то в 1988 г. – 1862, а только за первое полугодие 1990 г. уже 28 тыс. человек. Особенно тревожило центральные партийные органы то, что больше половины тех, кто сдал билеты и кандидатские карточки были рабочими и колхозниками (в 1988 – 57,4%, за первое полугодие 1989 г. – 54,9%), а также то, что 53,1% тех, кто вышел из партии в первой половине 1989, были лицами, которые находились в партии более 20 лет. На первом этапе XXVIII съезда КПУ (июнь 1990 г.) руководство республиканской партийной

организации вынуждено было констатировать, что «такого большого выхода мы не знали в истории нашей партии» (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2534, л. 312).

Анализ причин сдачи партийных документов дает представление о болевых точках не только организационной работы, но и самой внутривнутрипартийной ситуации. Наиболее типичными причинами были несогласие с официальным курсом партийного руководства, разочарование и недовольство ходом перестройки; нежелание находиться в партии, на которой лежит пятно преступлений против собственного народа и которую компрометировали и компрометируют ее лидеры; падение авторитета партии; рост требований к коммунистам, нежелание выполнять партийные обязанности; преклонный возраст, неудовлетворительное состояние здоровья, которые затрудняют выполнение партийных поручений и норм; нежелание платить в больших размерах членские партийные взносы.

Серьезной проблемой для партии в это время стало то, что разрушительные процессы все интенсивнее пошли вширь и глубь, детонируя новые плоскости расколов и разломов. В этих обстоятельствах балластная (пассивная) часть состава КПСС стремилась как можно скорее покинуть ряды партии, а активная пыталась консолидировать здоровые силы на базе ряда платформ («Демократической», «Марксистской», «Большевистской») с перспективой превращения их в самостоятельные партии. Следует подчеркнуть, что кризис в партии углублялся самой логикой политической реформы, которая уменьшала роль и сужала сферу влияния КПСС в жизни общества:

- отмена в структуре партийного аппарата хозяйственных отделов почти сразу привела к утрате партией ключевых рычагов управления экономикой;
- передача Верховному Совету СССР функции окончательного формирования Кабинета Министров еще больше ослабила влияние КПСС на хозяйственную жизнь страны;
- уменьшение в ходе перестройки политических структур общества присутствия членов ЦК КПСС в Советах народных депутатов и в Совете Министров СССР (так, среди народных депутатов СССР членов ЦК стало лишь 5,8%, и только 23 члена Совета Министров СССР вошли в состав ЦК на XXVIII съезде КПСС, то есть 5,6%) существенно ограничило влияние партии на развитие общественных трансформаций;
- отмена единой системы номенклатурного назначения и замена ее выборами лишили КПСС возможности полностью контролировать персональный состав кадров, занимавших ключевые государственные должности (не случайно на июньском пленуме 1989 г. Крымского обкома КПУ с тревогой отмечалось: «у многих появилась мысль о поспешности перехода к выборности кадров», также высказывался тезис о том, «что партия упускает кадровую политику – важный рычаг партийного руководства»);
- проведение многомандатных выборов по территориальным и национально-территориальным округам существенно увеличило вероятность неизбрания партийных руководителей в высшие органы государственной власти и, соответственно, уменьшило возможности партийного аппарата влиять на деятельность этих органов изнутри (так, на выборах народных депутатов СССР в 1989 г. из 121 секретаря партийных комитетов разных уровней, которые бал-

лотировались от территориальных округов, не было избрано 38 человек, или 31,4%) (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 32, д. 2534, л. 208).

Потеря партией монополии на власть после решения февральского пленума ЦК КПСС 1990 г. об устранении из Конституции СССР 6-й статьи привела к усилению центробежных сил в партийных структурах. По оценкам партийных экспертов, на июнь 1990 г. в рядах КПСС насчитывалось, «как минимум, 25% нетвердых партийцев, которые, очевидно, оставят партию в ближайшее время» (ЦГАГОУ, ф. 1, оп. 32, д. 2860, л. 19).

Попыткой максимально затормозить негативные тенденции и направить ход эволюции партии в новое русло были решения XXVIII съезда КПУ. Предложенная на форуме концепция обновления Компартии Украины включала отказ от политической монополии, непосредственных властных функций, от всего, что делало партию составляющей частью авторитарно-бюрократической системы; консолидацию всех групп населения на своей платформе путем активизации политической деятельности коммунистов в государственных и общественных структурах, трудовых коллективах; возрождение принципа демократического централизма в ленинском понимании, очистки его от деформаций и наслоений прошлого; углубление и ускорение перестройки партийной жизни на принципах гуманистической демократии, плюрализма мнений, учета интересов и позиции меньшинства; обеспечение верховенства партийных масс и выборных органов над аппаратом; обеспечение каждому коммунисту реальной возможности принимать непосредственное участие в выработке и проведении политической линии КПУ; полная демократизация формирования состава руководящих органов партии, делегатов на партийные съезды, конференции на основе прямых тайных альтернативных выборов.

Демонстрируя радикальность своих намерений в решении вопроса о перестройке партии, ЦК КПУ акцентировал внимание на кардинальных сдвигах в кадровой политике: за отчетный период по разным причинам сменились все первые секретари и 80% секретарей обкомов и Киевского горкома, около 60% первых секретарей горкомов и райкомов партии (Матеріали XXVIII з'їзду... 1990: 7, 98). Однако ни программа обновления КПУ, ни масштабные кадровые перестановки желаемого эффекта не дали. Это, очевидно, объясняется тем, что предложенная концепция была, как и ряд предыдущих партийных документов, скорее декларацией намерений, чем конструктивной программой конкретных действий с реальным механизмом ее реализации. Кадровые изменения на практике превратились в очередную перетасовку номенклатурной колоды, суть которой фактически сводилась к тому, что в партии место первого эшелона руководства стал занимать другой, менее обремененный старыми партийными традициями и догмами и более способный приспособиться к новым условиям. Впрочем, это не могло кардинально повлиять на ситуацию в партии, поскольку ее стержень – аппарат, несмотря на все провозглашенные реорганизации, качественно не изменился. Номенклатурная каста, которая составляла примерно 2,6% всех членов КПСС, концентрируя в своих руках не только всю власть в партии, но и сохраняя значительное влияние на властные

рычаги в целом в государстве имела свои интересы, которые, кстати, далеко не всегда совпадали с интересами общества, и жила по своим законам (Оников 1996: 75). Ее консервативная природа, с одной стороны, была проявлением желания сохранить статичность господствующей системы и стабильность собственного политического положения, с другой – причиной неспособности господствующей партии к динамическим изменениям.

Серьезно затрудняло позицию КПСС на политической арене и то, что, потеряв значительную часть рычагов влияния на экономику, партия еще по инерции на практике была напрямую связана с решением конкретных социально-экономических вопросов и проблем. В этих обстоятельствах да еще в условиях обострения социально-экономической ситуации в государстве многие работники советских и хозяйственных органов нередко вели себя по отношению к партийным комитетам потребительски, пытались согласовать все свои действия, решения и таким образом переложить на них ответственность за свои недостатки и упущения. В результате КПСС попала в своеобразную политическую ловушку, заложенную в обществе многолетним господством командной системы: вся ответственность за любые неудачи, упущения или провалы в решении социально-экономических проблем заранее возлагалась на партийные органы и партию в целом.

Попытка смены поколений в партийно-советской номенклатуре Украинской ССР

В контексте глубокого идеологического и организационного кризиса Коммунистической партии во второй половине 80-х гг. XX в. заслуживает внимания и детального исследования попытка использовать в качестве инструмента для преодоления негативных явлений смену поколений партийно-советской номенклатуры.

Для анализа динамики изменений возрастных характеристик правящей верхушки СССР важнейшее значение имеет исследование британских исследователей советской элиты – Е. Модсли и С. Уайта, в которой они определили четыре поколения властной верхушки Советского Союза в течение всего периода его существования, учитывая возрастные особенности и жизненный опыт.

Первое поколение – это рожденные до 1900 г.;
второе поколение – рожденные в 1901–1920 гг.;
третье поколение – рожденные в 1921–1940 гг.;
четвертое поколение – те, которые родились после 1941 г. (Модсли 2011: 38).

Именно такое разделение на поколения считается общепринятым в современной историографии, поскольку оно позволяет четко определить социально-экономические и политические условия становления той или иной возрастной когорты и примерное время ее партийной социализации, а соответственно и условно стандартный набор профессиональных и моральных качеств.

В первой половине 1980-х гг. тенденция кадрового застоя и катастрофического старения высших номенклатурных ступеней становилась все более очевидной. Пышные похороны партийного руководства, подобно сериалу, который систематически демонстрировался по телевидению, все больше подталкивали к мысли об агонии режима (Грачев 2001: 57). В поздний период правления Брежнева изменилась сама суть понятия «молодой политик». В частности, пятидесятидвухлетний М. Горбачев считался «молодым» на момент его избрания на должность Генерального секретаря ЦК, тогда как средний возраст состава Политбюро приближался к 70 годам. Возрастного ограничения для занятия ответственных должностей не существовало. В СССР возникла объективная необходимость положить конец геронтокрации, к которой прилагалось и субъективное отношение Горбачева к старому поколению номенклатурщиков как к консерваторам, которые не воспринимают реформы.

Генсек начал стремительно «омолаживать» кадры. На номенклатурные должности отныне назначались люди, за плечами которых была не только «выслуга лет» на партийной работе, что было определяющим ранее, а в первую очередь профессиональные качества и, конечно, поддержка курса на перестройку. «Молниеносная карьера» не предусматривала последовательное прохождение всех должностных ступеней комсомольской и партийной иерархии и ранее была исключением из правил, теперь становится обычным явлением. Работников номенклатуры, которые сделали такую карьеру, старое поколение, олицетворявшее «классический» тип номенклатурщиков, называло «выскачками», которые пришли на «волне перестройки» и просто подстраивались, но уже не были настоящими представителями Коммунистической партии. Естественно, «выскачки» также не проявляли особого уважения к старшему поколению номенклатурщиков (Коваль 1995: 65–67).

Описанная тенденция, по мнению О. Криштановской, рано или поздно должна была спровоцировать конфликт между поколением «старых» (70–80 лет) и «молодых» (45–55 лет) политиков: первые не желали уходить с насиженных мест, а вторые чувствовали себя неполноценными управленцами, в руках которых нет реальной власти.

В результате «кадровой мясорубки», устроенной М. Горбачевым, в возрастном составе ЦК КПСС произошли существенные изменения: если в 1981 г. средний возраст членов и кандидатов в члены ЦК составлял 60 лет, в 1986 – 58 лет, то в 1990 г. он снизился до 49 лет. Лица в возрасте от 50 до 60 лет все еще составляли самую большую группу среди членов ЦК, но следующим по численности стали 40–50-летние. Количество лиц старше 60 лет в составе ЦК сократилось до 10% (в 1981 г. они составляли 1/3). Итак, к власти пришли представители так называемого «третьего поколения», которые были рождены между 1921 и 1940 гг. Согласно утверждению Е. Модсли и С. Уайта, третье поколение формировалось в зыбкой обстановке коллективизации и индустриализации, то есть во времена, которые по уровню напряжения не уступали, а иногда и превосходили революционные годы, выпавшие на долю второго поколения. В силу своего возраста они избежали чисток и террора,

большей частью не участвовали в боевых действиях в годы войны, однако, вместе с тем, они были свидетелями этих трагических событий: воспитывались, с одной стороны, в атмосфере страха, теряя родных, попадали под колеса репрессивной машины, а с другой – любви к Сталину в годы расцвета культа его личности, ощутили на себе трудности и нищету военных лет и тому подобное. Получив значительно лучшее образование, чем их предшественники, почувствовав на себе дух либерализации в годы оттепели, они стали заложниками политики кадровой стабильности в годы Брежнева, породившей засилье второго поколения (родившихся с 1901 по 1920 гг.). Только приход к власти Горбачева дал возможность третьему поколению продвинуться вверх по карьерной лестнице. Партийный съезд 1986 г. фактически стал апогеем представительства третьего поколения в ЦК, поскольку к 1990 г. их время закончилось (их процент сократился с 79 до 55%). В годы брежневского застоя их доступ к власти сдерживался настолько интенсивно, что большинство достигло 70-летнего возраста, но в годы перестройки перед ними открылся путь в высшие эшелоны власти. На первые роли начали претендовать сорокалетние – представители четвертого поколения (рожденные в 1941–1960 гг.). Они существенно отличались от своих предшественников, поскольку были продуктом урбанизированной послевоенной культуры, детьми более обеспеченных лет, воспитывались в более либеральной среде, чем их предшественники.

Влияние горбачевских реформ на возрастную структуру партийно-советской номенклатуры УССР позволяют проследить статистические отчеты ЦК КПУ о составе и сменяемость кадров.

Согласно этим документам, по состоянию на 1 января 1985 г. среди работников аппарата ЦК КПУ преобладали работники в возрасте от 40 до 50 лет (в частности, 41–45 лет – 28,73%; 46–50 лет – 29,84%). Лица в возрасте 60 лет и старше составляли менее 4% (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1223, л. 1).

Среди первых, вторых секретарей и секретарей обкомов большинство принадлежало работникам, находившихся в возрастной группе 46–50 лет (39,68%) и 51–55 лет (24,6%). Показатель количества ответственных работников, которые были старше 60 лет составил почти 8%. Значительно моложе была группа первых, вторых секретарей, и заведующих отделами горкомов, городских райкомов и райкомов Компартии Украины. Среди них почти 20% – работники в возрасте 31–35 лет, почти 29,5% – 36–40 лет, 22,5% – 41–45 лет и лишь менее 1% составляли лица старше 60 лет (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1223, л. 31).

Кадры, которые принадлежали к советской номенклатуре УССР, тоже были преимущественно в возрасте от 41 до 55 лет. Исключение составляли работники Верховного Совета РСФСР, Президиума Верховного Совета УССР и Совета Министров, среди которых 27,5% были лицами 56–60 лет и 21,6% – старше 60 лет. И, закономерно, молодой кадровой группой были работники комсомола (до 30 лет – более 60%, от 31 до 35 лет – почти 34%) (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1226, л. 1; д. 1227, л. 1; д. 1228, л. 1; д. 1229, л. 1; д. 1231, л. 1; д. 1232, л. 1).

В течение первых лет перестройки (1985–1986 гг.) возрастные характеристики партийно-советской номенклатуры фактически не изменились, за исключением некоторых нюансов. В частности, в течение 1985 г. количество работников аппарата ЦК КПУ, которые были старше 60 лет, возросла с 3,8 до 5,7%, среди работников Верховного Совета РСФСР, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров этот процент вырос с 21,6 до 35,9, а в начале 1987 г. уже составил 42,6% (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1244, л. 5; д. 1281, л. 5; д. 1320, л. 5), что, с одной стороны, противоречило всесоюзной кадровой политике, направленной на «омоложение» состава руководящих работников, но с другой – не существенно влияло на общую возрастную характеристику партийно-советской номенклатуры СССР, которая выглядела значительно лучше, чем всесоюзная номенклатура и, особенно, руководящая верхушка СССР. Очевидно, последняя пыталась противопоставить старению власти квотирования по возрасту: ЦК КПСС требовал от всех органов отчетов о представительстве молодежи в структурах власти. Благодаря примененным квотам средний возраст работников аппарата ЦК КПУ по состоянию на 1 января 1985 г. был на 20 лет меньше, чем, например, возраст Политбюро ЦК КПСС и составлял 48,5 лет.

Итак, масштаб кадровых изменений в республике в течение 1985–1986 гг., их влияние на возрастную структуру партийно-советской номенклатуры, как и динамика политических изменений, значительно уступали подобным процессам в РСФСР. По мнению М. Михальченко, В. Журавского и В. Танчера, причины превращения республики в «заповедник застоя» следует искать в непоколебимости руководящей верхушки Украины. В 1987 г. произошли две большие волны обновления руководящих и управленческих кадров республики: в результате реализации решений XXVII съезда КПСС и вследствие январского Пленума ЦК КПСС. Эти кадровые изменения неоднозначно повлияли на возрастные показатели номенклатуры СССР. Лица, которые были избраны на соответствующие должности после XXVII съезда КПСС, были моложе своих предшественников примерно на 5–10 лет. В частности, из 170 вновь избранных работников аппарата ЦК 82 (48,2%) были в возрасте 36–40 лет. Среди партийных работников ЦК, обкомов, горкомов и райкомов, которые заняли должности после съезда большинство составляла эта же возрастная категория. Однако руководство Совета Министров, Верховного Совета СССР, обл-, рай- и горисполкомов существенно не помолодело: с 51 нового работника 21 (41,17%) был в возрасте от 46 до 50 лет. Среди новоинкорпорированных номенклатурных кадров преобладала именно эта возрастная группа, что повторяло тенденции предыдущих лет. Но стоит отметить, что за счет новых кадров росло число работников в возрасте от 36 до 45 лет (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1337, л. 1, 4; д. 1338, л. 1, 3; д. 1339, л. 1, 3).

В сравнении с 1985 г. в аппарате ЦК КПУ в течение 1987 г. почти на 10% возросло количество ответственных работников в возрасте 36–40 лет (23,27%). В то же время группа работников, которая относится к возрастной категории от 41 до 45 лет, уменьшилась почти на 10%. Снизились также и показатели возрастной категории от 46 до 50 лет, однако, несмотря на

это, ее представители продолжали составлять большинство в аппарате ЦК (25,95%). Подобная возрастная структура была присуща аппарату ЦК и в последующие два года (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1340, л. 1; д. 1393, л. 1).

Первые, вторые секретари и секретари обкомов фактически сохранили те пропорции между возрастными группами, которые существовали в 1985 г. Соответственно, численное превосходство имели персоны, находившиеся в возрастной категории 50–60 лет (примерно 41–43%). Едва ли не единственным существенным изменением в этой категории партийных кадров стало появление незначительной группы работников в возрасте 36–40 лет. По сравнению с данными за 1986 г. произошло незначительное «омоложение» за счет роста количества лиц в возрасте 41–45 лет (примерно на 5,5%) и уменьшение количества работников в возрасте 46–50 лет (примерно на 7,5%) (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1337, л. 31).

Количество работников, возраст которых составлял от 36 до 40 лет, выросло в большинстве категорий партийной номенклатуры. В сравнении с 1985 г. показатели этой возрастной группы выросли на 5–10%. Однако, ведущие позиции продолжали сохранять лица в возрасте от 46 до 55 лет (46–50 лет – 30,78%; 51–55 лет – 20,63%). Интересно, что снижение среднестатистического возраста номенклатуры достигалось не за счет сокращения количества лиц, принадлежавших к возрастным группам 56–60 лет и старше 60 лет, а в результате уменьшения работников категории 41–45 лет. Вероятно, таким образом старшая возрастная категория партноменклатуры прибегала к манипулированию цифрами с целью сохранения властных позиций, достигая нужного среднестатистического процента.

Возрастные характеристики советской и хозяйственной номенклатуры УССР в 1987 г. также изменились, однако в обратном направлении. Особенно показательны изменения, произошедшие в руководстве Совета Министров, Верховного Совета УССР, обл-, гор- и райисполкомов. В частности, на основе сравнительного анализа статистических данных по состоянию на 1 января 1987 г. и 1988 г. можем констатировать стремительное сокращение молодых кадров: группа от 31 до 35 лет сократилась на 3%, от 36 до 40 лет – на 16,5%, от 41 до 45 лет – на 10%. Как и в предыдущие годы, большинство должностей занимали лица в возрасте от 46 до 50 лет, однако количество руководящих работников в возрасте от 51 до 55 лет выросло на 14%, от 56 до 60 лет – более чем на 10%, старше 60 лет – на 5,5%. Следует заметить, что решающую роль играло именно «старение» работников Верховного Совета РСФСР, Президиума Верховного Совета УССР и Совета Министров: процент кадров в возрасте от 56 до 60 лет вырос примерно на 7,5%, а количество лиц старше 60 лет – на 10%. В 1988–1989 гг. за счет сокращения работников, возраст которых превысил 60 лет почти на 7%, на соответствующий процент выросла категория лиц в возрасте от 51 до 60 лет, именно эта возрастная группа получила большинство среди работников Верховного Совета УССР и Совета Министров. Таким образом, в высших органах советской власти в течение 1987–1989 гг. прослеживалась тенденция к старению руководящих и управленческих кадров (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1339, л. 1–5; д. 1374, л. 1–3).

Среди хозяйственной номенклатуры несущественный количественный рост категорий молодых работников «компенсировался» ростом количества кадров старшего возраста. Нельзя не заметить еще одной тенденции – «старение» руководящих работников науки. Закономерно, этот процесс негативно сказался не только на научно-техническом развитии УССР второй половины 80-х гг. XX в., но и на экономике республики. Кроме того, отсутствие притока свежих сил в научные круги и отток лучших кадров сводили на нет курс Горбачева на ускорение экономического развития страны (ЦГАООУ, ф. 1, оп. 67, д. 1340, л. 1; д. 1341, л. 33, 104, 118; д. 1375, л. 1–3; д. 1376, л. 34, 94, 104).

Несмотря на стремление Горбачева стимулировать прилив молодых кадров в партийно-государственные органы власти, трансформации, произошедшие в номенклатуре Украинской ССР во второй половине 80-х гг., фактически не изменили устоявшееся соотношение между ее возрастными группами. Анализ статистических данных об изменениях возрастных характеристик красноречиво свидетельствует о том, что по сравнению с Центром динамика снижения среднего возраста работников номенклатуры была значительно ниже, а в некоторых случаях происходили даже обратные процессы.

Выводы

Анализ функционального потенциала и политической практики КПСС во второй половине 80-х гг. позволяет сделать вывод, что партийный кризис, затронул все сферы деятельности – от теоретической до организационной, и заключался в неспособности Компартии ответить на вызовы времени и полноценно и качественно обеспечить реализацию назревшей системной модернизации общества. Партия, перестраивая страну, так и не смогла органично с ней перестроиться сама. Ей не удалось преодолеть в полной мере своеобразный комплекс «сиамских близнецов» и с бюрократической структуры, которая срослась с государством, превратиться в демократическую организацию левых сил, способную к эффективной деятельности в условиях плюрализма. Последствиями глубокого кризиса в партии во внутривнутрипартийной жизни были массовый выход из ее рядов, образование фракций и платформ, регионализация и децентрализация партийных структур; в общеполитической жизни – прогрессирующее падение авторитета КПСС в целом и КПУ в частности; ограничения ее доступа к реальным рычагам влияния на развитие трансформационных процессов; потеря контроля за ходом реформ; рост тенденций стихийности, хаотичности, неконтролируемости в развитии общества. Вместе с тем нарастающие на фоне кризиса изменения идеологического содержания и организационной структуры партии свидетельствовали о существенной трансформации всей советской системы, стержнем которой была КПСС.

Смена поколений в номенклатуре и курс на омоложение кадров стали одним из инструментов КПСС, который был направлен на преодоление партийного кризиса. Партийная номенклатура более сознательно выполняла установки М. Горбачева по «омоложению» кадров, однако если в течение 1985–1986 гг. стремительно «молодели» руководящие кадры среднего и низшего

властного звена, то в последующие годы обновление коснулось и аппарата ЦК КПУ. В то же время руководящие и управленческие кадры советских органов власти и хозяйственных учреждений почти не испытывали приток свежих сил. То, что эти процессы происходили параллельно с «омоложением» руководящих кадров среднего и низшего властного звена, наталкивает на мысль о попытке компенсировать, за счет последних, процесс старения правящей верхушки республики и скрыть реальное положение вещей за вполне привлекательным среднестатистическим процентом. Манипуляция статистикой была традиционной политической практикой партийно-советской номенклатуры, которая позволяла создавать иллюзию изменений, не допуская реальных трансформаций. Тем не менее, приток молодых кадров в руководящие органы власти все же произошел в годы перестройки. Именно он породил конфликт поколений в партийно-государственной верхушке УССР. Ведь старшее поколение, не желавшее покидать высокие посты, было уже не в состоянии эффективно управлять республикой и постоянно чувствовало опасность своего положения, которая исходила со стороны Генерального секретаря ЦК КПСС. А молодые управленцы, перед которыми якобы открывались широкие возможности карьерного роста по партийной и государственной линиям, не допускались к реальным рычагам влияния, и воспринимались старшим поколением элиты как «высочки», воспользовавшиеся политическим курсом М. Горбачева, чтобы прийти во власть.

Таким образом, трансформации периода перестройки хоть и открыли путь молодым политикам и управленцам во властные структуры, а также создали новые демократические пути их рекрутирования, но все же они не смогли существенно повлиять на общественно-политическую ситуацию, снизить градус недоверия к власти и преодолеть кризис Коммунистической партии. Попытка преодолеть кризис Коммунистической партии СССР в целом и Украинской ССР в частности с помощью смены поколений потерпела неудачу, поскольку суть кризиса не сводилась исключительно к геронтократии, а была более системной. Соответственно, требовались глубокие, комплексные изменения и усилия со стороны самой партийно-советской номенклатуры, которая уже утратила свою политическую монолитность и идейную убежденность, а по большей мере начала заботиться исключительно о собственном благосостоянии. Именно потому сталинская формула «кадры решают все» на этом историческом этапе не работала.

Библиография

- Грачев Андрей. 2001. Горбачев. Человек, который хотел, как лучше... Москва: Вагриус.
- Карабанов Михайло. 1993. Від всевладдя до краху. Київ.
- Коваль Татьяна. 1995. «Кто Вы теперь, последние первые – первые или последние?». Мир России (3–4) : 65–67.
- Компартія України. 1990. Цифри. Матеріали: До XXVIII з'їзду Компартії України. Київ.

Матеріали ХХVIII з'їзду Комуністичної партії України 19–23 червня 1990 р. (Перший етап). Київ 1990.

Медведев Вадим. 1998. *Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки*. Москва.

Модсли Эван. 2011. *Советская элита от Ленина до Горбачева. Центральный Комитет и его члены, 1917–1991*. Москва: Росспэн.

Оников Леон. 1996. *КПСС: анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК*. Москва: Республика.

Печенев Вадим. 1991. *Горбачев: к вершинам власти (Из теоретико-мемуарных размышлений)*. Москва.

Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ), ф. 1, оп. 32, д. 2534, 2535, 2658, 2860, 2561, 2873, 2577; оп. 67, д. 1223, 1226–1229, 1231, 1232, 1244, 1281, 1320, 1337–1341, 1374–1376, 1393.

An Attempt to Change Generations in the Soviet Party Nomenclature as a Tool for Tackling the Crisis in the Communist Party of Ukraine

Abstract

This article aims to provide an in-depth analysis of the Communist Party of Ukraine's crisis at the time of perestroika (1985 to 1991). The consequences of the crisis were mass resignations, the formation of fractions and platforms, and the regionalisation and decentralisation of party structures. Furthermore, the crisis contributed to a continuing fall in the authority of the CPSU in general and of the CPU in particular. This was due to limitations on its access to real levers of influence upon transformational processes, the loss of control throughout reforms, the growth of spontaneity, chaos, and the uncontrollability in the development of society.

In order to overcome the crisis, the Communist Party attempted a generational change in the Soviet party nomenclature, which is supposed to have significantly rejuvenated the political elite of the USSR and the Ukrainian SSR. However, the authors of the article, having analysed archival documents, prove that in the Ukrainian SSR, a generational change did not take place, and the young cadres who came to power had no real influence. An attempt to change generations in the country's political elite failed and became the cause of internal political conflict.

Keywords: age group, Communist Party of Ukraine, crisis, generational change, perestroika, reforms, Ukrainian SSR